

Определение зловредности в Европейском деликтном праве при рассмотрении дел о внедоговорной ответственности в нанобиотехнологической сфере

Т. Э. Зульфугарзаде

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин

РЭУ им. Г. В. Плеханова.

Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,

117997, Москва, Стремянный пер., д. 36.

E-mail: teymurz@yandex.ru

The Definition of Malignancy in European tort Law in Cases of Non-Contractual Liability in the Field of Nanobiotechnology

T. E. Zulfugarzade

PhD of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department
of Civil Legal Disciplines of the PRUE.

Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane,
Moscow, 117997, Russian Federation.

E-mail: teymurz@yandex.ru

Аннотация

В статье приведены основные результаты проведенного научного исследования особенностей определения юридической категории «зловредность» (причинение неудобств) при рассмотрении дел о внедоговорной ответственности в нанобиотехнологической сфере, сформировавшейся в Европейском деликтном праве. В условиях массового использования нанобиоматериалов, способствующих появлению новых рисков для жизни и здоровья человека, необходимо выработать новые методики обеспечения безопасного существования индивида, что особенно важно в условиях неопределенности, вызванных, в том числе угрозой неблагоприятных последствий, связанных с глобальным распространением коронавирусных и им подобных инфекций, ряд из которых может иметь искусственное происхождение. Предметом исследования послужили отношения, возникающие между разработчиками, производителями и распространителями нанобиопродукции, с одной стороны, и человеком (индивидом), на которого указанные виды продукции оказывают свое, в том числе неблагоприятное воздействие – с другой. В качестве основных методов познания при проведении исследования были использованы логический, сравнительный, эмпирический, аналитический, историко-правовой, описательный и др. Научную новизну исследования составили выводы, в соответствии с которыми в первую очередь основное внимание современного деликтного права применительно к категории зловредности обращено на использование и владение землей (земельными участками), а не на ее (их) неотъемлемую ценность как природного ресурса, что может со временем найти свое решение, например, в гражданском и природоресурсном (природоохранном) законодательстве Российской Федерации. Во вторую очередь при всех намерениях и целях причинения вреда, связанного с неблагоприятными последствиями использования нанобиоматериалов, следовательно, проявления зловредности, не может считаться прямым средством понесения экологической ответственности. Однако это не препятствует их внедрению и последующему применению в тех ситуациях, где отсутствует позитивное право, и обеспечивает некоторую форму охраны и защиты окружающей (природной) среды, что в свою очередь позволяет постепенно начать практиковать подачу исков о так называемой зловредности (причинении неудобств) в отечественной правоприменительной практике. Полагаем, что предложенный подход особенно актуален в условиях практически бесконтрольного распространения нанобиоматериалов, способных вызвать, в том числе пандемические явления глобального характера и тем самым причинить вред неограниченному кругу лиц.

Ключевые слова: гражданское право, деликт, вред, ущерб, инновационный, нанобиотехнологии, недобросовестность, злоупотребление, дело, суд, компенсация, осторожность, безопасность, ответственность.

Abstract

The article presents the basic results of research of features of definition of the legal category of malignancy or causing inconvenience in cases of non-contractual liability in the field of nanobiotechnology, which was formed for

European tort law, which is important in modern conditions of mass use of nano biomaterials, causing the emergence of new risks to life and health, requires the development of new techniques to ensure the safe existence of the individual, which is especially important in conditions of uncertainty caused by, this includes the threat of adverse consequences associated with the global spread of coronavirus and similar infections, some of which may be of artificial origin. The subject of the study is the relationship that arises between developers, manufacturers, and distributors of nano bioproducts on the one hand and the individual on whom these types of products have their own, including adverse effects, on the other. Logical, comparative, empirical, analytical, historical-legal, descriptive, and other methods of cognition were used as the main methods of research. Scientific novelty of the study was the findings, in accordance with which, first and foremost, the focus of modern tort law, in relation to the category congratulations-facing use and possession of the land (land plots), and not on its (their) inherent value as a natural resource that may eventually be resolved, for example, in civil and natural resources (conservation) law of the Russian Federation and, secondly, for all intents and purposes of the causer of harm associated with the adverse effects of the use of nano biomaterials, therefore, manifestations of malignity cannot be considered direct means of incurring environmental responsibility, which does not detract from their auxiliary potential for implementation (application) in situations where there is no positive law, and provide some form of environmental protection based on facts, which in turn allows you to gradually begin to practice claims for malignity (causing) inconvenience in domestic law enforcement practice. We believe that the proposed approach is particularly relevant in the current conditions of virtually uncontrolled spread of nano biomaterials, which can cause, among other things, global pandemics and, thus, cause harm to an unlimited number of people.

Keywords: civil law, tort, malignity, harm, damage, innovative, nanobiotechnology, impact, bad faith, abuse, case, court, compensation, caution, safety, liability.

Настойчивое с опережающими темпами развитие инновационных технологий, происходящее на фоне современных негативных, представляющих повышенную опасность для здоровья и жизни человека пандемических явлений, объективно предопределяет необходимость выработки новых методов противодействия угрозам, возникающим в процессе «разработки, производства, хранения и распространения (использования) нанобиопродукции» [5], а также недобросовестного, являющегося нарушением безопасности, использования материалов нанобиоисследований, способных вызвать серьезные последствия медицинского характера в глобальном масштабе. Важность выявленных направлений исследования подтверждается значимостью формирования «комплексного института нанобиобезопасности» [4]. Исходя из этого «в современном мире безопасность фактически приобрела все черты общественного блага» [3. – С. 49].

Общеизвестно, что помимо жестких мер регулирования в исследуемой сфере, которые на практике, к сожалению, не во всех случаях позволяют адекватно противодействовать указанным негативным явлением, немаловажно применение более мягких норм регулирования гражданско-правового характера, порождающих не только договорную, но и внедоговорную ответственность. В связи с этим полагаем целесообразным обратиться к более подробному рассмотрению опыта разрешения гражданско-правовых деликтов в государствах – членах Ев-

росоюза, наработавших за последние несколько десятилетий существенную правоприменительную практику по определению зловредности (злоупотребление правами) при рассмотрении дел о внедоговорной ответственности в нанобиотехнологической сфере, непосредственно связанной с компенсацией материального ущерба и морального вреда в результате поражения индивида, прежде всего его дыхательных путей (респираторно) наночастицами.

В Европейском деликтном праве в целом и применительно к нанобиотехнологиям, в частности в Еродирективе ELD¹, злоупотребление правами (причинение неудобств), или зловредность (nuisance), дифференцирована на частную (ущемления интересов отдельного лица, private nuisance,) и публичную (ущемление интересов неопределенного круга лиц, public nuisance).

Под частной зловредностью принято понимать незаконное вмешательство в использование человеком (собственником, владельцем) его земли (земельного участка), или каких-либо прав на нее, или в связи с ней. В английском праве, а также по аналогии в праве США, зловредность означает

¹ Directive 2004/35/EC of the European Parliament and of the Council of 21 April 2004 on Environmental Liability with Regard to the Prevention and Remedying of Environmental Damage, 2004 OJ L 143. – P. 56–75. Hereinafter Environmental. Liability Directive or ELD. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex:32004L0035/> (дата обращения: 14.09.2020).

ущемление интересов отдельного лица, нарушение условий пользования имуществом. Другими словами, исследуемый нами деликт частной зловредности, как отмечает М. А. Егорова, «представляет собой неправомерное вмешательство, нарушение таких прав физических лиц, как право владеть собственностью, право на охрану здоровья, право на удобства и комфорт»¹. При этом по английскому праву должны иметь место, во-первых, порча чужого имущества и, во-вторых, неблагоприятные последствия, связанные с достаточно серьезным дискомфортом, возникновением иного рода неудобств и лишений для истца.

Таким образом, загрязнение нанобиоматериалами окружающих земель, находящихся в частной собственности, по нашему мнению, в целом подпадает под это определение, что делает его уместным (достаточным) для проведения экспертизы.

Немаловажно, что соблюдение принципа частной зловредности является соблюдением баланса прав. Во многом подобно следованию принципу международного права, который гласит: «используй только свое (и не причиняй вреда (ущерба) чужому)», человек – владелец земли может (вправе) использовать свою землю (земельный участок) в пределах его прав и обращаться с ней так, как ему нравится, с оговоркой, что при этом он не может навредить своему соседу. Принцип частной зловредности начинает действовать в полной мере, когда использование человеком своей земли вступает в противоречие с такой оговоркой, т. е. когда использование им земли становится необоснованным и, следовательно, незаконным. Это может привести к понесению им внедоговорной (деликтной) ответственности.

Так, например, в Великобритании гражданское правонарушение, связанное со зловредностью, подлежит одной из строгих мер несения ответственности, хотя у него есть свои ограничения в плане того, кто может возбуждать иск и на что можно предъявлять претензии. В исках, связанных с частной зловредностью, претензии обычно предъявляются из-за причиненного ущерба земле, а не из-за телесных повреждений, нанесенных личности.

В решении по делу *Rylands v Fletcher*² о гражданском правонарушении нормы общего права по зловредности были установлены ограничения, связанные с загрязнением окружающей среды. Эта норма также является одной из строгих мер несения ответственности и как правонарушение по зловредности она ограничена в некоторых отношениях. В деле *Cambridge Water Co. v Eastern Counties Leather plc.*³ были рассмотрены такие же ограничения в деликте зловредности, как и в решении по делу *Rylands v Fletcher*.

Другими словами, для того чтобы мера принуждения была бы в равной степени адекватной, во-первых, ущерб понесенного вида должен быть предсказуемым и, во-вторых, ущерб должен быть причинен из-за ненадлежащего использования земли ответчиком, как, например, в гражданских правонарушениях, связанных с злоупотреблениями правами, или с естественным (не с искусственным) использованием земли, как это продемонстрировано в решении по делу *Rylands v Fletcher*. Вероятнее всего, как мы полагаем, ущерб должен быть результатом необоснованного (неестественного) использования земли. В таком случае, даже если были приняты все необходимые меры, ответчик все равно будет привлекаться к ответственности.

Дополнительно отметим, что скорее всего необоснованным использованием будет считаться, деликт, связанный с злоупотреблениями причинения ущерба земле из-за повторяющихся опасных вмешательств. Вместе с тем решение по делу *Rylands v Fletcher* допускает осуществление однократного вмешательства, хотя возникает предположение, что такое вмешательство не должно быть тривиальным. Однократные вмешательства были приняты в исках по гражданским правонарушениям, связанным с злоупотреблениями правами, при условии, что они были вызваны долговременной дефектностью или неосторожным использованием ответчиком его собственности.

² «Человек, который, в своих целях, приносит на свою землю и собирает и хранит на ней что-то, что способно натворить неприятности, если это что-то будет выпущено, должен хранить его на свой страх и риск, а если он не сделает этого, а этим является неестественное использование им своей земли, то он отвечает за весь ущерб, который будет причинен вследствие его выпуска». См.: *Rylands v Fletcher*, 1866, LR 1 Ex 365, 1868 LR 3 HL 330.

³ *Cambridge Water Company v Eastern Counties Leather plc.*, 1993. UKHL 12; 1994, 2 AC 264.

¹ Егорова М. А., Крылов В. Г., Романов А. К. Деликтные обязательства и деликтная ответственность в английском, немецком и французском праве: учебное пособие / отв. ред. М. А. Егорова. – М. : Юстицинформ, 2017. – С. 148.

В свою очередь в решении по делу *R v Secretary of State for the Environment, ex parte Watson*¹, судья Апелляционного суда Л. Дж. Бакстон высказал так называемое «попутно сказанное мнение» (в англосаксонском праве – часть судебного решения, «имеющая лишь убеждающий характер и не являющаяся обязательной для других судов» [5]), что закон о частной зловредности (по англ. праву, означает ущемление интересов отдельного лица) в отношении понесенного ущерба в результате перекрестного опыления органической сахарной кукурузы с генетически модифицированной (ГМ) кукурузой. Это было одно из дел в порядке судебного надзора, оспоренных на том основании, что госсекретарь штата незаконно разрешил проведение суда над производителями генно-модифицированной кукурузы (ГМ-кукурузы). При этом во избежание перекрестного опыления ее ростки должны были быть уничтожены прежде, чем они зацветут. Однако судья выяснил, что могут возникнуть вопросы в отношении частной зловредности (ущемление интересов отдельного лица), если истец попытался бы наложить ограничения на суд над производителями ГМ-кукурузы из-за того, что его сельскохозяйственные угодья были приспособлены для выращивания экологически чистой продукции, которую судья отнес к «особым или особо чувствительным культурам»².

С учетом вышеизложенного представляется возможным сделать вывод о том, что судья дал понять, что необоснованное использование классификации применимо также к собственности потерпевшего (пострадавшего) лица. Поэтому, если собственность жертвы использовалась необоснованно, то иск в отношении частной зловредности (ущемления интересов отдельного лица) был бы сомнительным.

Исходя из приведенной формулировки судьи возможно также предположить, что для принятия мер в деле по частной зловредности (ущемление интересов отдельного лица) ущерб должен был быть уже продемонстрирован (т. е. в данном случае перекрестное опыление должно было уже произойти). Однако удовлетворение исков частной зловредности не может произойти только на предположении риска, или доказанного риска при-

чинения ущерба от предполагаемого необоснованного использования соседней собственности. Следовательно, источник или источники опасности, или различного рода неудобства для какого-либо лица или группы лиц (публичная зловредность) не является упреждающим инструментом, который может потребоваться для потенциально-го загрязнения нанобиоматериалами.

Несмотря на то что соблюдение принципа частной зловредности (ущемление интересов отдельного лица) и является английской конструкцией, это отнюдь не означает, что внедоговорная ответственность в других европейских странах не предусматривает аналогичную защиту и работу в почти таком же направлении, как нарушение прав человека.

Дополняя сказанное, отметим, что при рассмотрении дела *C-442/09 Karl Heinz Bablok and others v. Freistaat Bayern*³ в Европейском суде в Германии правовые положения, касающиеся выбросов, происходящих при использовании земель сельскохозяйственного назначения (в данном случае – ГМ-микробиоты), имели особое значение, поскольку такого рода выбросы влияют на форму юридической ответственности, и как можно видеть, они успешно применяются к случаям, когда для рекультивации земель на территории одного собственника используются наночастицы железа, которые могут попасть на территорию соседних собственников и причинить им ущерб.

Обращаясь в данном контексте к бельгийскому праву, отметим, что, в соответствии со статьей 544 ГК Бельгии, судам позволяется интерпретировать так называемую зловредность из-за близости. Например, в деле *Chimney case* (с дымоходами) 1960 г.⁴ правомерное поведение было расценено в качестве необоснованного и, следовательно, подлежало несению ответственности, так как был нарушен присущий для данной местности баланс прав. При этом решение не требовало доказывания проявления неосторожности. Так, в частности, в рассматриваемом деле было указано: «можно утверждать, что решение по делу *Rylands v Fletcher* развивает правило строгой ответственности за ущерб, причиненный крайне опасными операциями, на основании которого

¹ *R v Secretary of State for the Environment and MAFF, ex parte Watson*, 1998, EWCA Civ 1250.

² Там же.

³ Art. 823 and 906 Bürgerliches Gesetzbuch. For more information vide (eds.) van Gerven, Lever, & Larouche, 2000), § 6.4.1. – URL: <http://www.casebooks.eu/documents/tortLaw/heading6.4.1.pdf>. (дата обращения: 14.09.2020).

⁴ Cour de Cassation 06.04.1960.

лица, осуществляющие такие операции, могут быть должным образом подвергнуты несению строгой ответственности за создание чрезвычайных рисков для других лиц, участвующих в таких операциях»¹.

Такое решение может в некоторой степени применяться к гражданским правонарушениям по зловредности, а также использоваться в законодательных положениях других европейских государств. «Тем не менее они печально известны своей непредсказуемостью..., и если существуют шансы достижения успеха, они не определены» [4]. Для тех, кто участвует в производстве нанобиоматериалов, применение этого правила должно зависеть от того, может ли их деятельность считаться необоснованным (неестественным) использованием своих прав. Демонстрация причиненного ущерба до начала принятия мер, а также требование к предсказуемости ущерба, нанесенного земле в частной собственности из-за загрязнения нанобиоматериалами, могут оказаться пустыми, поскольку не известен тип ущерба, который может быть причинен.

Кратко отметим, что в свою очередь ГК Нидерландов, как отмечает, Ю. Н. Андреев, прямо «не предусматривает негаторного иска, но регулирует данный институт в рамках исков о возмещении вреда (ст. 162 книги 6)» [1. – С. 113]. Таким образом, иски о зловредности могут применяться прямо или опосредованно не только во всех государствах – членах ЕС, но и в российской правоприменительной практике, например, в соответствии со статьей 12, части 3 и статей 28 ГК РФ и др.

Обратимся к более подробному исследованию такой юридической категории, как «публичная зловредность» с точки зрения ущемления интересов неопределенного круга лиц.

Предварительно отметим, что проявления частной зловредности, заключающейся в ущемлении интересов отдельного лица, характеризуются близостью, т. е. вмешательством кого-то в собственность другого путем необоснованного использования прилегающей территории. В свою очередь проявлению публичной зловредности, заключающейся, как отмечено выше, в ущемлении интересов неопределенного круга лиц, также свойственна эта характеристика, хотя только в

тех случаях, когда вмешательство влияет на права человека как члена сообщества.

Так, например, в деле *Corby Group Litigation*² районный совет небольшого города Корби (Великобритания) участвовал в обширных работах по реабилитации земель, которые велись в период 1984–1999 гг. на территории старого завода металлоконструкций. Истцами выступила группа молодых людей, родившихся в период 1986–1999 гг. от матерей, которые во время беременности либо жили рядом с этим заводом, либо путь которых на работу или с работы пролегал рядом с заводской территорией. В результате воздействие твердых тератогенных атмосферных частиц на организм их матерей привело к возникновению деформации верхних и нижних конечностей у истцов.

Проявление публичной зловредности по британскому законодательству является уголовно наказуемым деянием (посягательством) и «оно только тогда является гражданским правонарушением и дает основания для судебного преследования, когда частное лицо пострадало от конкретного ущерба сверх того общего неудобства и вреда, который был причинен общественности»³. Таким образом, в отличие от проявлений частной зловредности, проявления публичной зловредности могут привести к возникновению обязанности по выплате компенсации за причинение личной травмы (при этом остается не вполне понятным, связано ли это или нет с необходимостью доказать проявление небрежности).

На основании вышеизложенного представляется возможным заключить, что для того, чтобы определить предмет иска по деликту, связанному с проявлением публичной зловредности, загрязнение нанобиоматериалами должно быть таким, чтобы оно каким-то образом привело бы к непомерному неудобству общественности, например, в отношении здравоохранения, и далее, например, нанесло бы ущерб частным лесным угодьям истца. В такого рода исках (где явно прослеживается попытка «одним выстрелом убить двух зайцев») по деликтам, связанным с проявлениями публичной зловредности, могут одновременно учитываться и вопросы здравоохранения, и вопросы восстановления окружающей среды (ни-

¹ Art. 823 and 906 Bürgerliches Gesetzbuch. for More Information Vide (eds.) van Gerven, Lever, & Larouche, 2000), § 6.4.1.

² The Claimants Appearing on the Register of the Corby Group Litigation v Corby District Council, 2009, EWHC 1944 (TCC), 2009, NPC 100, 2010, Env LR D2.

³ Там же.

велирование последствий, вызванных причинением вреда окружающей среде).

Завершая исследование, полагаем целесообразным дополнительно отметить, что в наше время, характеризующееся как состояние неопределенности, особый интерес правоведов к проявлениям зловредности заключается, в частности, в потенциале компенсаций за причиненный экологический ущерб (от загрязнения нанобиоматериалами), не предусмотренных законом, даже если это может быть из-за того, что проявление зловредности оказывает влияние на здоровье населения. Из-за самой сути решений, принимаемых судами по делам, связанным с проявлениями зловредности – загрязненная вода, шум, запахи, кислотные осадки, поврежденные деревья и т. д. – такие решения обычно считаются сыгравшими определенную роль в борьбе с загрязнениями, особенно до появления того комплекса мер, который может быть в широком смысле назван экологическим правом.

На основании вышеизложенных результатов проведенного исследования полагаем возможным сделать выводы о том, что, во-первых, основное внимание современного деликтного права применительно к категории зловредности обращено на использование и владение землей (земельными участками), а не на ее (их) неотъемлемую ценность как природного ресурса, что может со временем найти свое решение, например, в гражданском и природоресурсном (природоохранном) законодательстве Российской Федерации.

Во-вторых, зловредность не является в ее нынешнем виде каким-либо примечательным

методом обеспечения защиты окружающей среды независимо от воспринимаемых суждений об интересах общества при решении экологических проблем, например, в случае возникновения угроз здоровью населения.

В-третьих, случаи проявления публичной зловредности и случаи проявления частной зловредности не учитывались бы при рассмотрении причиненного ущерба от загрязнения нанобиоматериалами, например, незащищенных публичных вещей, если только такой ущерб каким-то образом не был причинен также индивидууму и (или) его имуществу.

В-четвертых, при всех намерениях и целях причинения вреда, связанного с неблагоприятными последствиями использования нанобиоматериалов, следовательно, проявления зловредности, не может считаться прямым средством понесения экологической ответственности. Однако выявленный факт, по нашему мнению, не умаляет их вспомогательного потенциала внедрения (применения) в тех ситуациях, где отсутствует позитивное право, и обеспечивает некоторую форму охраны окружающей среды на основе фактов, что в свою очередь позволяет постепенно начать практиковать иски о зловредности (причинении вреда) в отечественной правоприменительной практике. Полагаем, что предложенный подход особенно актуален в сложившихся условиях практически бесконтрольного распространения нанобиоматериалов, способных вызвать, в том числе пандемические явления глобального характера и тем самым причинить вред неограниченному кругу лиц.

Список литературы

1. Андреев Ю. Н. Соседские отношения в гражданском праве России: теория и практика. – М. : НОРМА ; Инфра-М, 2016.
2. Федулов Г. В. Безопасность как нематериальное благо субъектов гражданского права // Экономика. Право. Общество. – 2019. – № 1. – С. 48–55.
3. Construction Safety and Health. Workplace Safety & Health Topics. National Institute of Occupational Safety and Health. – URL: <https://www.cdc.gov/niosh/topics/construction/> (дата обращения: 14.09.2020).
4. Cheryl Micallef-Borg, Geert van Calster. Non-Contractual Liability as an Instrument for Regulating Nano and New Technologies // A Thorough Review Using National and European Union Tort Law. – 2011. – June 21. – URL: <https://ssrn.com/abstract=1934730> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.1934730> (дата обращения: 14.09.2020).